

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт лингвистических исследований

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
Institute for Linguistic Studies

ACTA
LINGUISTICA
PETROPOLITANA

TRANSACTIONS
OF THE INSTITUTE FOR LINGUISTIC STUDIES

Vol. VI, part 1

Edited by N. N. Kazansky

St. Petersburg
«Nauka»
2010

ACTA
LINGUISTICA
PETROPOLITANA

ТРУДЫ
ИНСТИТУТА ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Том VI, часть 1

Ответственный редактор Н. Н. Казанский

Санкт-Петербург,
«Наука»
2010

УДК 81
ББК 81.2
А 38

Этноботаника: растения в языке и культуре / Отв. ред. В. Б. Колосова, А. Б. Ипполитова. СПб.: Изд-во «Наука», 2010. — 386 с. (ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН / Отв. редактор Н. Н. Казанский. Т. VI. Ч. 1).

ISBN 978-5-02-025607-1

*Утверждено к печати
Институтом лингвистических исследований РАН*

**РЕДКОЛЛЕГИЯ
«ТРУДОВ ИНСТИТУТА ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ»:**

академик РАН Н. Н. Казанский (председатель),
чл.-корр. РАН А. В. Бондарко, д. филол. наук, проф. Н. Б. Вахтин,
д. филол. наук М. Д. Воейкова, д. филол. наук Е. В. Головко,
к. филол. наук С. Ю. Дмитренко, к. филол. наук М. Л. Кисилиер
(секретарь), д. филол. наук, проф. С. А. Мызников,
к. филол. наук А. П. Сытов, д. филол. наук, проф. В. С. Храковский

Рецензенты:
доктор филол. наук А. В. Грошева,
кандидат филол. наук М. В. Домосильтская

СБОРНИК ПОДГОТОВЛЕН В РАМКАХ
издательской программы Научно-образовательного центра ИЛИ РАН
«Языковые ареалы России» (ФЦП «Научные
и научно-педагогические кадры инновационной России»)

ISBN 978-5-02-025607-1 © Коллектив авторов, 2010
© ИЛИ РАН, 2010
© Редакционно-издательское оформление.
Издательство «Наука», 2010

Е. В. Сафонов

РАСТИТЕЛЬНЫЙ КОД В СОВРЕМЕННЫХ РАССКАЗАХ О СНОВИДЕНИЯХ¹

Цель данной статьи – анализ некоторых важнейших особенностей экспликации образа-мотива иного мира (ИМ) в современных рассказах об иномирных сновидениях. Под рассказами об иномирных сновидениях мы понимаем тексты, в которых повествуется о встрече сновидца с персонажами иnobытия².

Основной материал, на который мы опираемся в этой работе, записан в период с 1999 по 2007 гг. в Ульяновской области (в городе и селе). Для сопоставления мы также привлекаем близкие по многим параметрам к исследуемым рассказам тексты так называемых визионерских жанров – обмирания и видения. Такое сопоставление способствует выявлению общего и специфического в экспликации образа-мотива ИМ, а также – в определенной степени объясняет возможную экзегезу основных составляющих данного образа.

Предварительный анализ³ позволяет условно выделить по крайней мере два типа описываемых в нарративах о снах миров: «хороший» и «плохой» (далее – хрИМ и плИМ, соответственно). Заметим, что «дуальная» классификация миров не охватывает все возможные способы манифестации ИМ в рассказах о снах. Существуют переходные и нейтральные по отношению к дуальной типологии миров способы описания иnobытия. Нас, однако, в пределах данной работы будут интересовать в первую очередь тексты, непосредственно связанные с указанной типологией.

Одним из важнейших критериев, позволяющих дифференцировать образы-мотивы хрИМ и плИМ, является растительный код. Судя по имеющемуся в нашем распоряжении материалу (более

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Этнодиалекты Ульяновского Присурья (на материалах XX – начала XXI века)», проект № 08-01-00497а.

² Как отмечает С.М. Толстая, «иномирная природа сна проявляет себя в нескольких устойчивых сюжетах и мотивах, образующих особую область традиционных народных представлений о сновидениях и оформленных в виде клишированных текстов “снотолкований” и рассказов о снах» (Толстая 2002: 199). Далее мы рассматриваем, в основном, именно нарративы о снах.

³ О некоторых результатах этого анализа см., напр.: (Сафонов 2005, 2006а, 2006б).

700 текстов), описания растений и сопрягающиеся с ними мотивы в рассказах об иномирных снах встречаются регулярно. При этом важно подчеркнуть, что основные составляющие растительного кода в текстах сновидений реализуются благодаря достаточно ограниченному набору мотивов.

Так, описание хрИМ обычно эксплицируется как яркий, насыщенный красками пейзаж. Изображаемый локус в этом случае может получать такие номинации, как поле, поляна, сад, огород, луг («лужок»), пастбище, долина, стадион, клумбы, также – лес, роща и некоторые другие.

Заметим, что лексические значения этих слов так или иначе связаны с представлением об определенном участке земли, на котором растут трава, деревья, цветы и т.д. Это позволяет рассматривать упомянутые лексемы как своего рода синонимы, – тем более что описания данных локусов в рассказах о снах часто сопровождаются весьма схожими образами-мотивами яркого солнечного света; водоема (озера, ручья, реки, моря и т.д.); поющих птиц; оврага или горы (пещеры, холма и др.); некоего жилища и т.п.

В центре сюжета этих рассказов, как мы уже указывали выше, – контакт с представителями инобытия. Описание поведения и внешнего вида персонажей ИМ также достаточно стереотипны (например, упоминается ряд типичных действий представителей инобытия; говорится о необычной одежде умерших, которая может быть одинакового цвета у всех обитателей ИМ либо не соответствовать тому, во что обычно одевался умерший при жизни и т.д.).

Приведем ряд показательных фрагментов, иллюстрирующих сказанное выше:

1. «[После смерти своих сыновей рассказчица видит сон] ... Иду я по лугу и гляжу вот как канавка какая, ну, овражек, и ручеёк свежий-свежий бежит, течёт <...>» (ЛМП⁴);

2. «[Рассказывает сон, в котором видит своего умершего отчима] Вот будто бы сколько народу среди цветов было, – все в одинаковых одеждах: в шляпах, в черных осенних пальтах, а я вот стою на этих клумбах, а у них [умерших. – Е.С.] как собрание какое <...>» (РКБ).

3. «Вот один из снов, который приснился мне лично, когда умер мой дедушка: я видела очень незнакомое место. Это была зеленая поляна, она была очень насыщена цветом. Трава, была будка, за этой будкой были деревья, и протекал ручей. <...> Я помню завалинку, на которой сидел мой дедушка. Он был в своей любимой

⁴ Данные рассказчиков см. в Списке информантов.

рубашке и что-то, по-моему, шил. Сапоги, по-моему, шил. Очень ярко светило солнце...» (СКВ).

В некоторых текстах обобщенные номинации, использующиеся при описании хорошего инобытия, могут конкретизироваться, – например, благодаря упоминанию наименований родов растений. Так, в известных нам рассказах в качестве составляющих иномирного пейзажа называются яблони, маки, щавель, розы, тюльпаны, васильки, виктория.

Ср., например:

1. «И вот вижу во сне: она [“Варя”, умершая соседка. – E.C.] несет ведра и в землянку. “Варя, – я ей говорю, – да я как хочу тебя видеть, как я давно... как ты тут живешь?” – “Чего, – говорит, – я живу, вот... Я только заслужила детям воду носить”. А у этой землянки вот так... другой выход, а там цветы – маки и зеленый лужок» (Трушкина 2002: 155).

2. «[Сновидец “летает” во сне над раем] <...> И полетел дальше по горам, – горы, долины... цветы, розы <...> В раю, я говорю, – розы, тюльпаны, – все, – яблоки цветут, – все как жар горит...» (ТВВ).

Однако в большинстве известных нам рассказов об иномирных сновидениях манифестация хрИМ реализуется в обобщенных формулировках растительного кода, т.е. конкретные разновидности растений не называются.

Гораздо более важным оказывается яркость, насыщенность цветовой гаммы описываемого мира (чаще всего упоминаются зеленый и голубой, реже – светло-желтый цвета). Именно этот признак – наряду с сюжетообразующим мотивом встречи с персонажем ИМ – придает особую эмоциональность наблюдаемой картине инобытия, оставляет у сновидца интенсивное впечатление от увиденного, что, по всей видимости, является одной из возможных причин самой вербализации сна.

В некоторых случаях рассказчик определяет эту интенсивность как не совсем естественную, не свойственную нашему миру. Это заставляет информантов производить своеобразную селекцию употребляемых лексем, выбирая наиболее эмоциональные из них, способные приобщить слушателя к инобытию, заставить его «свидеть» сновидцу⁵. Ср.:

1. «...Сон приснился, когда было сорок дней [после смерти матери рассказчицы. – E.C.]: вижу необычный мир, – светло, солнечно, на деревьях – цветы, краски яркие, сочные. Увидела маму

⁵ Замечания о феномене «совидения» при рассказывании визионерских текстов см. в работе А.В. Тарабукиной (Тарабукина 2002: 264-265).

– она плыла по голубой-голубой речке (цвет даже неестественный какой-то) на лодке, – в белой рубахе... Ростом она была раза в два выше [чем в реальности. – E.C.], плыла и пела песни <...>» (ЗИН);

2. «[Рассказчица видит сон, в котором идет с некоей женщиной по дороге] Много лет прожито, но я такой неземной красоты не видела: во-первых, ручей течёт, так он течет, так он журчит, как будто кто сказку рассказывает, – слушал, слушал бы... Птицы там поют чудесные песни, сказочные песни – заслушаешься, деревца экзотические, – всякие. И цветовая гамма, такая цветовая гамма: золотисто-оранжевая, яркая, – зелень, что в жизни, в природе такого нет. И мы идём <...> вдоль этой... этого ручья в этой прекрасной природе» (ИРП).

Стоит отметить, что хрИМ может описываться в рассказах о снах и без использования растительного кода. Например, в одном из текстов сновидец встречается с прогоняющим его из инобытия «дедушкой с ватной бородой»; при этом спящий оказывается «среди облаков <...>, были сплошные облака, воздушные и легкие...» (PPP).

Несмотря на эти исключения, можно констатировать, что в исследуемых текстах растительный код при моделировании описания хрИМ доминирует.

Для нарративов о сновидениях, в которых эксплицируется образ-мотив плохого инобытия, растительный код также актуален. Однако в данных текстах он реализуется как бы с обратным знаком: плИМ описывается либо как локус, лишенный растительности, либо как место, где произрастают растения, обычно связанные с негативными коннотациями (ср., например, образ-мотив тины⁶ в приводимом ниже примере). Ср.:

1. «[Рассказчица во время тяжелой операции видит сон, в котором некто пытается «заколотить» ее в гроб; место, в котором разыгрывается сюжет сна, описывается так:] Планета такая круглая и такие рытвины, там – кратеры, но она необитаемая: показывают иногда Марс – вот такой, на ней нет ни деревьев, – ничё, – просто пустыня и какие-то кратеры, и я прям чувствую, что она необитаема, потому что на ней я плохо себя чувствую, задыхаюсь...» (ИТД).

2. «Видела [во сне] детей [неродившихся вследствие абортов. – E.C.] вот в этом вот – в тине, иду будто, а они – в тине, все в

⁶ В связи с этим можно указать на зафиксированное у восточных славян представление об аде-болоте, находящемся под землей (см. Морозов, Толстой 1995: 94).

тине, вот какое-то озеро и грязь, и они будто там вымыряют...» (ЗМД)⁷.

Для описаний плиМ характерны также картины замкнутых пространств: различного рода пещер, «дыр», бараков, темных зданий и т.п. Подобные описания не всегда релевантно соотносить с растительным кодом: в этом случае актуализируются несколько иные семантические составляющие образа-мотива ИМ (например, основанные на оппозициях светлый / темный, высокий / низкий [глубокий] и др.).

Большой интерес в связи с этим вызывают тексты сновидений, в которых симultanно представлены картины обоих миров. Данные рассказы позволяют говорить об определенной топографии сновидческого инобытия. В известных нам сновидениях соотнесение миров, в основном, имеет вертикальную, точнее – «ярусную» интенцию. Пользуясь термином одного из информантов, миры в этом случае соотносятся друг с другом как «этажи» некоего здания. Ср. следующие тексты:

1. «... И она [умершая сестра. – Е.С.] мне всё показывала... там [в ином мире. – Е.С.] как бы странные какие-то вот ярусы, она водила <...> Вот я помню, что тот ярус [идет описание «плохого» яруса. – Е.С.], где были типа какие-то камешки, где больно ходить, – там мне можно было посмотреть что-то издали, потому что туда не все допускаются... Потом он [«плохой» ярус. – Е.С.] какой-то тёмный, чёрный какой-то... там что-то издали что-то добывается, что-то делается: какая-то была ярусность... Там другой ярус [идет описание «хорошего» яруса. – Е.С.], – там что-то было светлое, там была какая-то трава, какие-то растения были, вот...» (ТЛЛ).

Соотнесение двух локусов в приведенном тексте наиболее очевидным образом демонстрирует актуальность растительного кода при определении статуса описываемых миров. Другими словами, растительный код (и сопутствующие ему мотивы – например, представленные через семантическую оппозицию «темный / светлый») в процитированном примере выполняет функцию своеобразного маркера, позволяющего рассказчику и его аудитории дифференцировать («опознавать») плиМ и хрИМ.

В некоторых рассказах об иномирных сновидениях эксплицируется не столько вертикальная (ярусная) ориентация в расположении миров, сколько структура, которую можно назвать

⁷ Ср. подборку текстов снов, в которых эксплицируются сходные «плохие» условия пребывания в ИМ неродившихся или умерших некрещеными детей – (Листова 2001: 42-44; Листова 2002: 122-123; Лурье, Черешня 2000: 298, текст № 82).

вертикально-горизонтальной (с доминированием вертикальной интенции): соотносимые друг с другом миры расположены как бы в одной плоскости, т.е. от одного локуса до другого можно буквально дойти пешком⁸. Однако при этом сохраняются «рефлексы» вертикальной ориентации, выраженные в образах-мотивах ямы-пещеры и горы.

Ср.: «Вот сон этот я не забуду: вот видала я моего больно уж в цветах [умершего] мужа: вот что ни иду – цветы, что ни иду – вот всё цветы – вот уж всякими, всякими цветами, а я будто иду, а мне навстречу идут вроде как женщины. <...> И вярнули будто меня две женщины в чёрном, вярнули, меня: “Айда-ка, мы тебе ещё чаво покажем” – “Чаво, мыл, покажете вы?” – “Вот где, грит, упойники ещё” <...> – “Где, мыл?”... Вот будто в гору, в гору пришли, и туда будто вдолблённа как яма какая-то туды, и туды меня завяли, окошков нигде нет <...> Вот в такую в тёмну вещу меня ввели, вот там как в горе врыто в какое, в яму, вот мне показали <...>» (ЗМД).

Последний пример также показывает значимость для исследуемых текстов оппозиции хрИМ / плИМ, которая эксплицируется как ряд характерных, противопоставляемых друг другу признаков. Данные признаки в большинстве случаев базируются на тех или иных составляющих растительного кода (ср. образ-мотив цветов).

При обращении к проблеме возможной экзегезы рассмотренных нами моделей описания иного мира очевидной является апелляция к культурным концептам «рай» и «ада» (обусловленным, прежде всего, фольклорно-мифологической и религиозной традициями⁹).

Однако такая постановка вопроса применительно к предмету нашего анализа является слишком общей. Большой интерес представляет сопоставление сновидений с родственными им по структурно-семантическим, тематическим, pragматическим и др. особенностям текстами (например, с такими визионерскими жанрами, как обмирания и видения). Не касаясь в пределах этой работы проблемы соотношения в исследуемых повествованиях

⁸ Ср. сходные наблюдения, основанные на рассмотрении эсхатологических рассказов, входящих в состав известного Волоколамского Патерика (Ольшевская 2003: 40).

⁹ Литература, посвященная этому вопросу, весьма обширна. См., напр.: (Аверинцев 2000, 2000а; Шахнович 2003; Морозов, Толстой 1995; Рождественская 2004; Соболев 2000; Сергеева 1995; Криничная 2004: 920-993; Успенский 1982: 55-79; Демин 1998: 703-738; Мильков 1999: 189-215) и мн. др.

устной и книжно-письменной культур¹⁰, отметим тесную близость основных образов-мотивов, использующихся при описании хрИМ и плИМ в сопоставляемых группах текстов.

Так, сравнимте, например, следующие фрагменты устных обмираний, в которых так или иначе упоминается (resp. описывается) рай: «цветы цветут в садах» (Толстая 2002: 214), «как там красиво, хорошо» (Толстая 1999: 22, текст № 2), «детки, кажэ, гуляют и яблочки у руках» (Там же: 23, текст № 6), «дальше молодежь танцует, гуляет, цветочки красивые» (Там же: 23, текст № 7), «мамонька моя <...> она вся в цветочках, в птичках райских...» (Добровольская 1999: 24), «луг большой» (Никитина 2002: 224) и др.

Для многих текстов книжно-рукописных видений и обмираний характерен тот же репертуар основных образов-мотивов, перечисленных выше, – с некоторыми различиями в степени детализации и акцентом на ряде специфических мотивов. В частности, подробную разработку в рукописно-книжных текстах получает образ небесного рая, рая-церкви, рая-дома, этимасии (небесного престола) с «лицезрением» святых, ангелов, Бога, Богородицы и др.¹¹

Что касается экспликации образа-мотива плохого инобытия, то здесь различие между текстами обмираний / видений и рассказами об иномирных снах более значительно.

Так, в текстах обмираний и видений (соотносимых как с устной, так и с книжной культурами) при описании плИМ акцент делается не столько на описании самого локуса, сколько на описании специфических условий пребывания умерших. Эти условия обычно расцениваются как наказания за нарушения («грехи»), совершенные обитателями инобытия, когда они, условно говоря, пребывали в ином бытийном статусе, т.е. относились к нашему миру (миру живых). Конкретное содержание списка мучений варьируется от текста к тексту, однако главный принцип организации повествования один и тот же: визионер перемещается от одной картины

¹⁰ См. об этом подробнее, напр.: (Гуревич 1990: 175; Чередникова 2002: 229, 238; Толстая 2002: 211-212, 218; Толстые 1995: 459-460; Толстая 1999: 22; Толстая 2004: 464; Толстая 2003; Грицевская, Пигин 1993; Пигин 2006: 6-9; Лурье, Тарабукина 1994; Шевченко 1999).

¹¹ Ср., например, тексты в следующих публикациях: (Шевченко 1999: 28; Азбелев 1992: 343; Пигин 2006: 259, 262, 352; 350, 352, 354; Покровский 1999: 148-149) и др.

«мук» к другой, получая объяснение увиденного от сопровождающего его персонажа-проводника¹².

В рассказах об иномирных сновидения картина пЛИМ (и соответствующие условия пребывания в плохом мире) обычно интерпретируются не как следствие грехов встреченных на «том свете» умерших, а либо как данность (не мотивированная чем-либо), либо как следствие определенных нарушений самого сновидца. В этом случае функция рассказа о сне – указать на это нарушение и тем самым – ликвидировать его.

Ср., напр., следующий текст сновидения: «[Умершего сына родственники забыли помянуть] Его матери снится сон: вот овраг большой, большой, [сын] везёт на салазках дров, тощей, тощей. Она говорит: “Ба, Петь, не знай вас не кормят? Почему такой тощей?” – “Кормят, – говорит, – мам, да не всех: как я здесь, мне еще никто куска не подал”. Тут старушки [после сна. – Е.С.] и говорят ей: “Повари картошки, капусты – помяни, – тогда лебеда была, – испеки”. Она так собрала, и ей снится: “Вот тяперича, мам, спасибо, накормила”» (ФРН).

В приведенном тексте растительный код в описании ИМ несколько редуцирован¹³. Более значимо здесь описание внешнего вида иномирного персонажа, обусловленное определенными условиями «бытия» умершего. Эти последние непосредственно связаны с событиями нашего мира (в частности, с нарушениями сновидца и его окружения).

Таким образом, как в снах, так и в обмираниях / видениях растительный код наиболее явно актуализируется в том случае, когда описывается хрИМ или – в пределах одного текста – оба мира, противопоставляемые друг другу по ряду признаков.

В тех текстах, в которых дается описание только пЛИМ (ср., например, последний из приведенных примеров), говорить о растительном коде не всегда релевантно.

Подчеркнем, что намеченная выше дифференциация различных групп визионерских текстов не является жесткой: возможны пере-

¹² Ср., например, тексты устных обмираний, опубликованные в работах: (Лурье, Тарабукина 1994: 25-26, тексты №№ 1-4; Толстая 1999: 22-23, тексты №№ 4-8; Никитина 2002: 225-226; Толстая 2002: 213-216; Толстая 2004; Полесский сборник 1983: 70-72) и др. Аналогичные наблюдения относительно рукописно-книжных видений / обмираний см., например: (Пигин 2006: 177; Грибанов 1989: 73; Чередникова 2002: 233).

¹³ При этом следует учитывать, что образ «большого оврага» коррелирует с растительным кодом и соотносится с достаточно распространенными представлениями о плохом инобытии (ср., например: Морозов, Толстой 1995: 94).

сечения, использование сходных способов моделирования и nobытия как в иномирных снах, так и в видениях / обмираниях (ср., напр., тексты, опубликованные в (Лурье, Тарабукина 1994: 26, тексты №№ 4, 5).

Добавим, что описание в сновидениях хрИМ (с типичными для этого образа-мотива признаками, о которых мы писали выше) нельзя считать обусловленным исключительно влиянием культурно-традиционных стереотипов. Проанализированные нами материалы позволяют говорить о том, что видение во сне прекрасных картин и пейзажей имеет и определенную психологическую подоплеку.

Об этом, в частности, свидетельствуют материалы статьи Н.Е. Ливановой (близкие в региональном отношении к нашим полевым записям). Н.Е. Ливанова в своей работе, посвященной тематической группе сновидений о полетах, опирается на тексты, записанные, в основном, от молодых респондентов-горожан (несколько из них в реальности занимаются парашютным спортом) (см. Ливанова 2002).

Любопытно, что, в отличие от приведенных нами выше примеров, рассказы, которые цитируются ниже, не расцениваются информантами как экспликация некоего иного мира. Для рассказчиков этих сновидений описываемые ими картины представляют собой яркое, надолго запомнившееся и большей частью приятное, радостное переживание. Данный опыт не маркируется ими в терминах таких культурно-традиционных оппозиций, как наш мир / и nobытие, ад / рай и т.п.

Ср., например:

«Я просто летала, вернее, себя во сне не видела. Это были необычайно яркие, солнечные, красочные пейзажи, которые преподносились моими глазами. По ощущению необычайной легкости я могла понять, что лечу, парю где-то в чистом, голубом небе <...>»;

«Я летала над чистой-чистой водой, вокруг были прекрасные птицы, ярко-зеленая зелень. Когда я проснулась, было чувство необъяснимой радости и душевного спокойствия»;

«Я находилась на солнечной, зеленой лесной поляне. Вокруг невысокие деревья. У меня радостное настроение, ощущение счастья. Я набираю букет цветов и с ними поднимаюсь в небо»;

«[Во сне] парашют не раскрывается, а ты летишь, падаешь, у тебя перед глазами цветы и все такое, затем ты приземляешься и почему-то остаешься живым» (см. Ливанова 2002: 134, 137-138).

Н.Е. Ливанова объясняет экзегезу подобных описаний в рассказах о сновидениях следующим образом: «Зелень, солнечность, чистота неба и воды выражают эмоциональное содержание полета и, возможно, связаны с возвращением во сне первоначального,

детского восприятия мира; не случайно один из опрашиваемых написал в анкете, что сны о полетах у его связаны с “чувством возвращения в детство”» (Там же: 121).

Не оспаривая данного утверждения, можно предположить, что «культурологическое» и «психологическое» (в частности, основанное на особенностях апперцепции) объяснения не противоречат друг другу, а, скорее, сопрягаются.

Таким образом, увиденное в рассказах об иномирных снах маркируется как инобытие благодаря традиционной модели объяснения, когнитивно-культурному трафарету, накладываемому на визуально-аудиальный ряд, который в свою очередь может объясняться и определенными особенностями апперцепции реальности. Кроме того, не следует забывать о динамике таких объяснений: один и тот же сон, пересказанный в разное время одним и тем же информантом, может иметь различные трактовки: многое зависит от событийного и коммуникативно-культурного контекстов.

Список информантов

ЗИН – Зотова Ирина Николаевна, 1960 г.р., средн. образ., род. и прож. в г. Ульяновск, зап. 5 декабря 2004 г.

ЗМД – Заплаткина Марья Дмитриевна, 1923 г.р., 2 кл., род. и прож. в с. Потьма Карсунского района Ульяновской обл., зап. 2 августа 2005 г.

ИРП – Иноземцева Раиса Павловна, 1927 г.р., высш. образ., род. в с. Новоспасское Ульяновской обл., проживает в г. Ульяновске (с 1950 г.), зап. 25 авг. 2004.

ИТД – Ильина Татьяна Дмитриевна, 1955 г.р., средн. спец. образ., род. в г. Чапаевск Самарской обл., прож. в г. Ульяновске (с 1992 г.), зап. 2005 г.

ЛМП – Леванова Мария Петровна, 1921 г.р., 4 кл., род. и прож. в с. Сара Сурский р-на Ульяновской обл., зап. 5 авг. 2006 г.

РКБ – Романова Капитолина Борисовна, ок. 70 лет, средн. образ., род. и прож. в г. Ульяновск, зап. дек. 2004.

PPP – Разутдинова Роза Рифкатовна, 1985 г.р., средн. образ., род. с. Тат. Калмагор Чердаклинского района Ул. обл., прож. в г. Ульяновске, зап. июль 2004 г.

СКВ – Соломенцева Клена Викторовна, 1986 г.р., средн. образ., род. и прож. в г. Ульяновск, зап. 1 июля 2005 года.

ТВВ – Томин Виктор Васильевич, 1931 г.р., 3 кл., род. и прож. в с. Малая Хомутерь Барышский р-н Ул. обл., зап. 22 июня 1999 г.

ТЛЛ – Терехина Людмила Леонидовна, 1958 г.р., высш. образ., род. в с. Малаховка Конышевского р-на Курской обл., проживает в г. Ульяновске (с 1970 г.), зап. 2006 г.

ФРН – Филиппова Раиса Николаевна, 1935 г.р., род. и прож. в с. Малая Хомутерь Барышский р-н Ульяновской обл., зап. июнь 1999 г.

Список условных сокращений

- ИМ – образ-мотив иного мира (инобытие, «тот» свет и т.п.).
пЛИМ – образ-мотив инобытия с характерными признаками плохого мира.
хрИМ – образ-мотив инобытия с характерными признаками хорошего мира.

Литература

- Аверинцев 2000 – Аверинцев С.С. Рай // Миры народов мира: в 2 т. М., 2000. Т. 2. С. 363-366.
- Аверинцев 2000а – Аверинцев С.С. Ад // Миры народов мира: в 2 т. М., 2000. Т. 1. С. 36-39.
- Азбелев 1992 – Народная проза / Сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. С.Н. Азбелев. М., 1992.
- Грибанов 1989 – Грибанов А.Б. Заметки о жанре видений на Западе и Востоке // Восток – Запад. Исследования. Переводы. Публикации. М., 1989. Вып. 4. С. 65-77.
- Грицевская, Пиггин 1993 – Грицевская И.М., Пиггин А.В. К изучению народных легенд об «обмирании» // Фольклористика Карелии: сб. науч. ст. Петрозаводск, 1993. Вып. 8. С. 48-68.
- Гуревич 1990 – Гуревич А.Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. М., 1990.
- Демин 1998 – Демин А.С. О художественности древнерусской литературы. М., 1998.
- Добровольская 1999 – Добровольская В.Е. Рассказы об обмираниях // Живая старина. 1999. № 2. С. 23-24.
- Криничная 2004 – Криничная Н.А. Русская мифология: Мир образов фольклора. М., 2004.
- Ливанова 2002 – Ливанова Н.Е. Сны о полетах // Сны и видения в народной культуре: Мифологический, религиозно-мистический и культурно-психологический аспекты. М., 2002. С. 117-142.
- Листова 2001 – Листова Т.А. Религиозно-нравственное отношение к деторождению в русской семье // Православная жизнь русских крестьян XIX-XX вв. М., 2001. С. 36-52.
- Листова 2002 – Листова Т.А. Народные представления о душе связанные с деторождением // Православная вера и традиции благочестия у русских в XVIII-XX вв. М., 2002. С. 101-127.
- Лурье, Тарабукина 1994 – Лурье М.Л., Тарабукина А.В. Странствия души по тому свету в русских обмираниях // Живая старина. 1994. № 2. С. 22-26.
- Лурье, Черешня 2000 – Лурье М.Л., Черешня А.В. Крестьянские рассказы о сбывающихся снах // Традиция в фольклоре и литературе: статьи, публикации, методические разработки преподавателей и учеников Академической гимназии СПбГУ. СПб., 2000. С. 275-310.
- Мильков 1999 – Мильков В.В. Древнерусские апокрифы. СПб., 1999.

Растительный код в современных рассказах о сновидениях

- Морозов, Толстой 1995 – Морозов И.А., Толстой Н.И. Ад // Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5-ти томах. М., 1995. Т. 1. С. 93-94.
- Никитина 2002 – Никитина С.Е. Сны и обмирания у духоборцев // Сны и видения в народной культуре... М., 2002. С. 220-226.
- Ольшевская 2003 – Ольшевская Л.А. Эсхатологическая тема в Волоколамском Патерике // Филологические науки. 2003. № 1. С. 37-44.
- Пигин 2006 – Пигин А.В. Видения потустороннего мира в русской рукописной книжности. СПб., 2006.
- Покровский 1999 – Духовная литература староверов востока Сибири XVIII-XX вв. / Отв. ред. Н.Н. Покровский. Новосибирск, 1999.
- Полесский сборник 1983 – Полесский этнолингвистический сборник. М., 1983.
- Рождественская 2004 – Рождественская М.В. Библейские апокрифы в литературе и книжности Древней Руси: Историко-литературное исследование: Дисс. ... канд. филол. наук. – СПб., 2004. Цит по: www.opentextinn.ru/history/istochnik/istXIII-XIX/rojdestvenskaja
- Сафонов 2005 – Сафонов Е.В. Образ «иного мира» в современных рассказах о сновидениях // Образ жизни и образ мыслей: материалы научных чтений. Ульяновск, 2005. С. 35-42.
- Сафонов 2006а – Сафонов Е.В. Умершие как персонажи современных рассказов о снах // Живая старина. 2006. № 2. С. 29-30.
- Сафонов 2006б – Сафонов Е.В. «Иной мир» в рассказах о снах и представлениях, связанных с похоронно-поминальной обрядностью русских // Сны и видения в славянской и еврейской культурной традиции. М., 2006. С. 115-130.
- Сергеева 1995 – Сергеева Н. «Птицы райские и котлы кипучие»: представления о рае и аде в русской народной вере // Наука и жизнь. 1995. № 8. С. 100-106.
- Соболев 2000 – Соболев А.Н. Мифология славян. Загробный мир по древнерусским представлениям (литературно-исторический опыт исследования древнерусского народного миросозерцания). СПб., 2000.
- Тарабукина 2002 – Тарабукина А.В. Видения в духовной беседе // Сны и видения в народной культуре... М., 2002. С. 261-270.
- Толстая 1999 – Толстая С.М. Полесские «обмирания» // Живая старина. 1999. № 2. С. 22-23.
- Толстая 2002 – Толстая С.М. Иномирное пространство сна // Сны и видения в народной культуре... М., 2002. С. 198–219.
- Толстая 2003 – Толстая С.М. Рассказы о посещении «того света» в их отношении к книжному жанру «видений» // Jews and Slavs. Jerusalem, 2003. V. 10. С. 43-54.
- Толстая 2004 – Толстая С.М. Обмирания // Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5-ти т. М., 2004. Т. 3. С. 462-464.
- Толстые 1995 – Толстые Н.И. и С.М. О жанре обмирания (посещения того света) // Толстой Н.И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995. С. 458-460.

- Трушкина 2002 – Трушкина Н.Ю. Рассказы о снах // Сны и видения в народной культуре... М., 2002. С. 143-170.
- Успенский 1982 – Успенский Б.А. Филологические разыскания в области славянских древностей. М., 1982.
- Чередникова 2002 – Чередникова М.П. Письменная традиция обмираний // Сны и видения в народной культуре... М., 2002. С. 227-246.
- Шахнович 2003 – Образ рая: от мифа к утопии / Отв. ред. М.М. Шахнович. СПб., 2003.
- Шевченко 1999 – «Велел Господъ показать тебе...» / Подгот. к публ. В.Ф. Шевченко // Живая старина. 1999. № 2. С. 27-29.

Ключевые слова: описание иного мира, рассказы о сновидениях, растительный код.